С. А. ИВАНОВА-БОРЕЙШО

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ НАРОДНОЙ ВОЛИ

ДБ
380
И 21

ВО ПОЛИТКАТОРЖАН

ДБ
380
И21

Иванова-
Борейшо С.А.
Первая типография
„Народной воли" 9/I 37
395

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ РЕВОЛ. ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
ЖУРНАЛА «КАТОРГА и ССЫЛКА»

1927 г. № 8

ДБ
380
И 21

9:323.2(47)

С. А. ИВАНОВА-БОРЕЙШО

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ „НАРОДНОЙ ВОЛИ“

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ

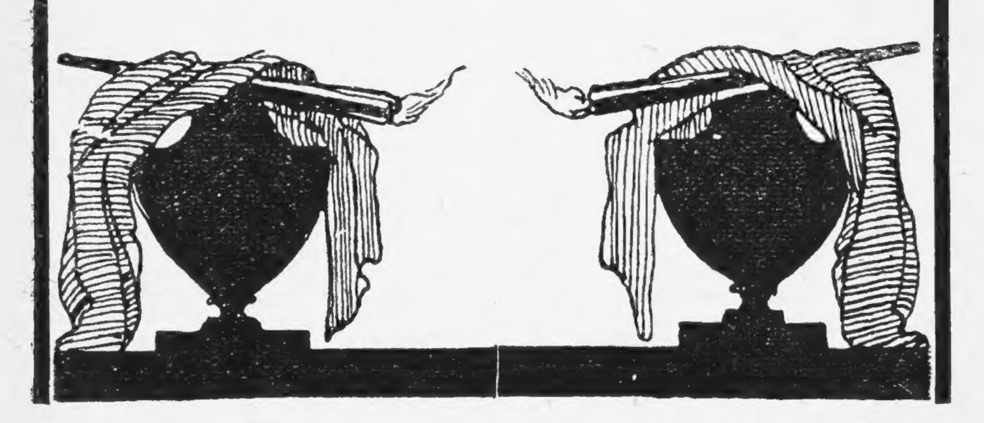
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ...
91737/16

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1927

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

Софья Андреевна
Иванова-Борейшо

Ф. Морейнис-Муратова.

ПАМЯТИ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ИВАНОВОЙ-БОРЕЙШО

Двадцать второго июня 1927 г. в Москве скончалась С. А. Иванова-Борейшо. Член Исполнительного Комитета «Народной Воли», она была не только выдающейся революционеркой, но и очень незаурядным по своим личным свойствам человеком.

Софья Андреевна родилась в 1856 году в семье офицера, тянувшего служебную лямку в одном из глухих местечек Кавказа. Ее детство прошло в провинциальной армейской среде, далекой от умственных интересов, но у нее рано проснулось желание учиться и стремление осмыслить свою жизнь. Еще ребенком пристрастилась она к чтению, а шестнадцатилетней девушкой она окончательно решила уйти из дома и самостоятельно построить свою жизнь.

Софьи Андреевне пришлось переодолеть много препятствий, но в конце-концов удалось с помощью одного из братьев попасть в Москву, где она, однако, вскоре оказалась без всяких средств к существованию. В Москве С. А. испытала немало нужды, работала одно время в мастерской портнихи, платившей ей 8 руб. в месяц за двенадцатичасовой рабочий день, и, наконец, поступила ученицей в типографию, принадлежавшую Мышкину. Здесь началась и ее революционная работа: познакомившись ближе с хозяином типографии и с не-

которыми его единомышленницами, работавшими в качестве наборщиц, она стала набирать не только легальные, но и нелегальные издания.

Вскоре С. А. была арестована, но после семимесячного заключения освобождена на поруки. Месяцы, проведенные в тюрьме, окончательно определили ее судьбу. Она твердо решила отдаться революционной деятельности.

В декабре 1876 года С. А. принимала участие в демонстрации у Казанского собора, была арестована и приговорена к ссылке на поселение в Сибирь. После приговора ее перевели в Дом Предв. Заключения, чтобы судить ее еще раз по процессу 193-х. Но тут вышел какой-то курьез: в приговоре было сказано, что «по совокупности преступлений» она подлежит отправке в одну из северных губерний с лишением некоторых прав. Будучи сослана в Архангельскую губернию, она задумала бежать при первой возможности и осуществила свое намерение через некоторое время. При этом сказалась характерная для С. А. способность привлекать к себе людей: она бежала при помощи своих квартирных хозяек, староверок-начетчиц, содействовавших ее побегу и скрывавших от местных властей ее от'езд. Перейдя на нелегальное положение, С. А. принимает активное участие в революционной работе, и в сентябре 1879 года становится хозяйкой подпольной типографии, в которой печатались издания «Народной Воли». В январе 1880 года типография была открыта жандармами, и ее работники были арестованы после вооруженного сопротивления.

С. А. была заключена в Петропавловскую крепость, судилась по процессу шестнадцати и была приговорена к четырем годам каторжных работ.

С С. А. я встретилась впервые на Каре в конце 1883 года. С первых же дней меня потянуло к ней

больше, чем к кому бы то ни было из нашей группы, хотя в то время на Каре было много выдающихся товарищей. Всегда веселая, остроумная, ровная, она точно освещала и согревала ту мрачную обстановку, которая нас окружала. Она обладала крупным умом, большим самообладанием и выдержкой. Благодаря своей необыкновенной скромности, абсолютному отсутствию честолюбия и тщеславия, она оставалась в тени и очень этим была довольна. Она была прекрасным товарищем. Худенькая, хрупкая и подвижная, она то-и-дело врывалась в какую-нибудь из тех каморок, где находилась болящая или хандрящая, и вскоре оттуда уже слышен был смех. У нее был неистощимый запас юмора, который целительно действовал на окружающих. Она могла иногда очень метко подшутить над кем-нибудь из товарищей, но ее шутки никогда не были обидны.

Девичья ее фамилия была Иванова, но на Каре ее все называли Ванечкой, и я думаю, что это прозвище сложилось потому, что в ней было что-то мальчишески-задорное, но этот задор был такой милый, такой обаятельный... Глядя на нее, можно было думать, что этот человек еще не испытал большого страдания, а между тем у нее было уже много невыплаканных слез, она перенесла уже большие утраты, но она умела далеко запрятать свои переживания.

В старости С. А. сумела сохранить те черты, которые отличали ее в молодости: всегда спокойная и ясная, остроумная и вместе с тем благодушная, она вносила много хорошего в окружающую жизнь. Люди, которые с ней соприкасались, испытывали на себе ее благотворное влияние, и про нее с полным правом можно сказать, что она прожила свою жизнь не даром.

С. А. Иванова-Борейшо.

ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ».

В августе 1879 года только что сформировавшейся группе народовольцев пришлось заняться устройством тайной типографии для своего нового органа. Это было после разделения организации «Земли и Воли» на две самостоятельные группы. Бывшую типографию «Земли и Воли», благополучно существовавшую в Петербурге раньше, разделили между этими двумя группами. Сделав необходимые добавления шрифта и прочих принадлежностей, народовольцы принялись устраивать дело. Трое типографских работников из «Земли и Воли» выразили согласие работать в новой газете, что значительно облегчало нашу задачу, ибо это были не только опытные наборщики, но и вообще люди, знавшие и любившие типографское дело. Кроме того, в будущем нам обещали еще одного сотрудника, наборщика по ремеслу, который в продолжение многих лет добывал себе хлеб этим ремеслом. Он в это время жил за границей, и было предложено выписать его оттуда. Предстояло подыскать подходящую квартиру и более или менее солидную к ней хозяйку, которая сумела бы внушить к себе почтение дворникам и

соседям. По правде говоря, солидных по возрасту людей среди нас совсем почти не было, и поневоле пришлось принимать во внимание только другие соображения. Место это было предложено мне, отчасти потому, что я раньше была знакома с ремеслом наборщицы и могла быть в этом деле полезнее других, отчасти же просто потому, что я была в это время свободна от других обязательств. Не скажу, чтобы мне особенно улыбалась мысль о затворнической жизни, которую приходится вести при такой работе, но было желание как можно скорее приложить куда-нибудь свои силы: сознание, что я могу здесь быть полезной, заставило меня сразу согласиться на эту роль.

За отыскание квартиры взялись А. А. Квятковский и А. Д. Михайлов. Оба они были очень предусмотрительны и умели хорошо взвешивать удобства и недостатки квартир в конспиративном отношении. Через несколько дней подходящее помещение было найдено, и мне было предложено снова осмотреть его вместе с Н. Бухом, который должен был разыгрывать роль моего супруга. Все было предусмотрено как нельзя лучше. Саперный переулок—улица не бойкая, и населена она более или менее почтенными людьми; дом, в котором находилась наша будущая квартира, был занят несколькими достаточными семьями. Ни квартирных хозяек с бесчисленными квартирантами, среди которых всегда может оказаться какой-нибудь «крамольник», ни студентов, ни молодежи вообще—в этом доме не было. В квартире два хода — черный и парадный, при чем последний имел вполне приличный вид и освещался по вечерам; большое удобство представляло то, что швейцара не было. Окна четвертого этажа, где помещалась наша квартира, выходили во двор, а напротив была глухая стена соседнего дома. Окна эти только отчасти были

видны с противоположной стороны улицы, но все же, в случае неблагополучия у нас в доме, можно было выставить знак, что и было сделано впоследствии. По паспорту мы должны были изображать собою отставного чиновника и его супругу. Документ был настоящий, так что с этой стороны мы ничем не рисковали. В конце августа мы переехали. Шрифт и прочие принадлежности типографского дела перевозились вместе с мебелью, при чем все тяжелые вещи были по возможности размещены по разным сундукам, чтобы тяжесть их не возбудила подозрения. Квятковский, принимавший деятельное участие в упаковке вещей, не мог следить за выгрузкой их в новом жилище и потому нашел себе другое дело; не сказавши нам ни слова, он принялся издали, незаметно для нас, выслеживать у нашего под'езда, чтобы убедиться, что никакие шпионы нас не сопровождают. Проделал это он так артистически, что я ничего не заметила и была удивлена и сконфужена, когда он рассказал мне об этом после. При нашем переезде дворники, которых в доме было двое, оказывали нам содействие, помогая вытаскивать вещи, за что получили щедрое «на чай». С этой, кажется, минуты они решили, что к ним переехали «хорошие господа». Мы всегда старались поддерживать такую репутацию, и они все время относились к нам очень почтительно. Прислуги у новых жильцов в первые дни совсем не было. Грязнова, бравшая сначала на себя роль кухарки, по своим личным делам должна была отложить на время поступление в типографию, поэтому у нас вышла заминка. Мы об'явили дворникам, что ждем рекомендованную нам кухарку. Вскоре на должность эту к нам определилась особа, называвшаяся по паспорту Анной Барабановой. Так как личность ее не была установлена, то я и буду называть ее этим именем, «Ан-

нушка» была интеллигентная девушка, курсистка, но с ролью кухарки справлялась, как настоящая актриса, которая сама увлекается принятой на себя ролью. Ее природная практичность много помогала ей в этом. Как человек общительный, она живо перезнакомилась с дворником, его помощником и соседними лавочниками. Ближайший из них стал даже задабривать Аннушку подарками, уговаривая ее не покупать продуктов нигде, кроме его лавочки, и обещая ей за это постоянное вознаграждение. На первый случай он подарил ей коробочку монпансье. Главное достоинство Аннушки заключалось в том, что она не имела конспиративного вида и держала себя просто. Аннушка, повидимому, была не прочь поболтать со всеми этими людьми, при случае немножко побранить своих господ, но всегда умела соблюдать чувство меры. Приходя к нам в комнаты, она со смехом передавала нам эти разговоры, иногда изображая их в в лицах.

Когда пришла пора начинать печатание 1-го № «Народной Воли», в квартире был водворен Абрам, товарищ Буха по старой типографии. Он проживал в квартире «нелегально», т.-е. без прописки, и поэтому ему предстояло почти безвыходное сидение дома. Началось печатание. Набором занимались Бух, Абрам и я. Потом двое из нас должны были стоять у станка при печатании листов. У станка работала и Аннушка. Хозяйственные обязанности мы с ней поделили и готовили в кухне обед по очереди. На своем посту, т.-е. в кухне, в качестве прислуги, она обязана была пребывать только утром, когда являлся дворник с дровами, мальчик из мясной лавки пр. После того в кухню из посторонних людей никто не заходил, но в случае, если звонил кто-нибудь с черного хода, должна была выйти и отворить кухарка. С парадного

крыльца посетителей тоже было немного. По делам типографии являлись только два-три лица; через них и велись сношения с внешним миром. Остальные члены партии, даже близко стоявшие к делу, не должны были знать адреса типографии, хотя личный состав ее был известен им.

Кажется, в конце сентября приехал новый наборщик, Лейзер Цукерман. Он в типографском деле был как бы в своей стихии и потому на другой же день работал наравне с другими. Ему, так же как и Абраму, пришлось жить в качестве нелегального квартиранта и безвыходно сидеть дома. Конечно, можно было узаконить их пребывание в квартире, но это было несколько рискованно: пришлось бы взять фальшивые паспорта, а прописка таковых сама по себе представляет риск. Кроме того, квартира, в которой скромно живут муж, жена и кухарка, имеет более благонамеренный вид, чем если в ней обитают еще квартиранты, да притом люди молодые, среди которых попадаются разные вольнодумцы и неблагонамеренные люди. Нам хотелось так обставить квартиру, чтобы, что называется, комар носу не мог подточить. Много было обращено внимания и на внешнюю обстановку квартиры, главным образом, на гостиную, которая была видна при входе в переднюю. Незадолго до переезда в Саперный переулок нам представился случай купить не только мебель, но и всю домашнюю обстановку квартиры средней руки у одной почтенной дамы, уезжавшей из Петербурга. Мебель была вполне приличная, и то, что она была немножко подержанная, даже еще больше подходило для отставного чиновника. Передняя комната, самая лучшая в квартире, представляла собою самую заурядную гостиную, в которой красовалось множество вязаных салфеточек и разбросанная на столе колода карт и пр. На стене, в

числе других украшений, видное место занимал большой портрет Александра II, писанный масляными красками. В следующей маленькой комнате помещался станок для печатания. Его устанавливали на мягкой кушетке для того, чтобы не производить шума при печатании. Самая задняя и отдаленная комната была просторнее других, и в ней удобно было расположить кассы со шрифтами. В этих двух комнатах производилась вся типографская работа и в них же должны были помещаться трое мужчин. Была еще маленькая комната около кухни, которую великодушно уступили мне. Такую роскошь, как кровать или матрац, могли иметь только законные жильцы, и наши молодые люди должны были довольствоваться диваном и кушеткой, а когда последняя была занята, то приходилось устраиваться на полу или на большой кипе типографской бумаги. Хотя в квартиру эту почти не проникал чужой глаз, но были дни, в которые мы обязаны были чиститься и прибираться совершенно как перед обыском. Дело в том, что, по раз установившемуся порядку, хозяин дома два раза в месяц, в определенные дни, посылал к жильцам полотеров для чистки полов. Дни эти резко выделялись у нас. Еще накануне вечером начиналась уборка, в которой принимали участие все. Кассы и шрифты прятались в большие сундуки; более громоздкие вещи выносились в переднюю и запрятывались в большой стенной шкаф. Шкаф этот, в котором помещались водопроводные трубы, точно нарочно был устроен для наших конспиративных целей. Бумага и отпечатанные листы тоже убирались в сундуки, но главное внимание обращалось на тщательную чистку и выметание по углам и закоулкам: маленькая шрифтинка или какая-нибудь мелкая принадлежность печатания, найденная полотерами при уборке, могла нас погубить не хуже,

чем полное открытие типографии. Нелегальные жильцы, Абрам и Цукерман, должны были с утра уйти куда-нибудь, одевшись поприличнее, и провести где им угодно целый день. Вечером они снова являлись в квартиру и усаживались в ней ровно на две недели.

День в типографии проходил следующим образом: с утра принимались за работу, при чем одна из женщин до обеда была занята хозяйством. Мужчины были очень трудолюбивы по своей специальности, но очень неохотно брались за какие бы то ни было хозяйственные дела. Исключение составлял только Цукерман, который, по своему бесконечному добродушию, не отказывался ни от какой работы и, видя, что дамам кухня надоела, готов был взяться даже за поварские обязанности, но мы не злоупотребляли его добротой, или, вернее, не особенно доверяли его кулинарному искусству. Работа продолжалась вплоть до обеда, после которого полагался отдых. Около этого времени обыкновенно являлся кто-нибудь из наших обычных посетителей и приносил нам известие о том, что делается на свете. Надо отдать справедливость нашим товарищам, которые, зная, что мы сидим здесь как в тюрьме, старались приносить нам всевозможные новости. Бывали дни, когда не являлся никто, потому что в эту квартиру без дела ходить не полагалось; посетители приносили рукописи или забирали от нас отпечатанное. Отдохнувши и поблагодушествовав за самоваром, вся публика снова принималась за работу, которая, впрочем, долго никогда не затягивалась. По конспиративным соображениям было решено вечером не работать позже 10 часов, и это правило нарушалось только в исключительных случаях. Такую скучную, однообразную жизнь вели типографщики изо дня в день, не зная ни праздников, ни отдыха, ни раз-

влечений. По совести говоря, думаю, что успеху дела много способствовало то обстоятельство, что сюда попали замкнутые, мало общительные люди, иначе им было бы слишком тяжело выносить такую жизнь. Буху было лет 25—26, но на вид ему можно было дать гораздо больше; это был замкнутый и очень молчаливый человек. По натуре он был довольно неподвижен, но в работе усидчив; к тому же он относился к своей работе как художник, который гордится результатами своих трудов. Его домашний костюм был более чем небрежен, но заставить его переодеться или хотя бы почище умыться было не так-то легко. Если принять во внимание, что для выхода на улицу он должен был преобразиться в настоящего джентльмена и употребить на это немало времени, то будет понятно его терпеливое отношение к обязательному сидению дома. Зато в тех случаях, когда господин Лысенко (под таким именем он был прописан) выходил на улицу, вид у него был настолько внушителен, шуба настолько хороша и золотое пенснэ так удобно помещалось на носу, что дворник издали приподнимал шапку и отвешивал ему почтительный поклон. Суровый барин снисходительно кивал ему головой.

Его товарищ Абрам, которого все звали «пташкой» за его тоненький голосок, был еще очень молод. Ему было не более 20—22 лет. О своем прошлом он никогда не говорил, и мы даже не знали, почему именно он стал нелегальным человеком. Застенчивый и скромный, он редко вступал в разговоры и всего меньше любил говорить о себе. Никто не знал, о чем он думает в то время, когда по целым часам стоит за однообразной работой у типографского станка. Несомненно, что «пташка» был нервный и впечатлительный человек. Когда до нас доходило известие об аресте кого-нибудь из

близких людей, Абрам принимал это очень близко к сердцу и, видимо, не находил себе места. Его тоска и нервное напряжение выражались очень своеобразно: вероятно потому, что ему нельзя было уйти из дому и рассеять свою грусть, он забирался в кухню, запирал наглухо двери и начинал какую-нибудь хозяйственную суету, столь не любимую им в обычное время: чистил самовар или мыл шваброй пол, отчаянно размазывая по углам грязь. Наработавшись в одиночестве до утомления, он ложился спать. Мы, смеясь, говорили в таких случаях, что только благодаря общественным бедствиям кухня наша иногда принимает весьма хозяйственный вид.

К счастью для такой молчаливой компании, судьба послала нам Лейзера Цукермана, этого живого, общительного и необыкновенно добродушного человека. Он не был ни болтлив, ни навязчив в разговоре, но сидеть молча в обществе себе подобных людей он был не в силах. Если ему не удавалось заставить своих товарищей говорить, он заставлял их во время работы петь, всегда начиная первый. Никто из нас не знал Цукермана раньше, но он сразу стал в приятельские отношения со всеми нами, и, надо отдать ему справедливость, его присутствие оживило все наше общество. Он был гораздо старше всех своих товарищей, но обладал какой-то младенчески чистой душой и был так прост, что каждому казалось, будто он знает Лейзера давным-давно. Он был еврей из западного края. Семья его была преисполнена еврейских предрассудков, и жилось ему дома так плохо, что он еще с юных лет убежал за границу, где и прожил половину своей жизни. Не имея никаких средств к существованию, он поступил в наборщики и работал всю жизнь то в немецких типографиях, то в русских-эмигрантских.

Его все-таки тянуло вернуться в Россию и, когда ему предложили ехать в Петербург и работать в тайной типографии, он поехал не задумываясь. Его ломаный русский язык и незнакомство с русской жизнью, особенно петербургской, которой он не знал и раньше, создавали массу курьезов. В «четверги», когда его отпускали на все четыре стороны, он посещал своих немногочисленных знакомых, которых знал за границей, и потом бродил по городу или шел в публичную библиотеку. Домой он приносил массу рассказов о своих приключениях, на которые наталкивался в качестве иностранца и целый вечер смешил публику.

В часы отдыха он усердно читал газеты и следил за политикой. Потом заводил на эту тему общие разговоры и старался втянуть в них своих молчаливых товарищей. Те охотно поддерживали его в этом направлении, главным образом, потому, что здесь начинался неудержимый полет фантазии Цукермана в область иностранной политики, при чем он смело решал будущие судьбы европейских государств.

Цукерман всей душою привязался к типографским товарищам, а также и к тем, которые приходили сюда с воли. Сознание своей полезности в деле его вполне удовлетворяло, и он, повидимому, был доволен своим новым положением. Его доброта и трогательное внимание ко всем окружающим его людям создавали ему много друзей как здесь, в типографии, так и впоследствии в Карийской каторжной тюрьме, куда он попал из-за той же типографии. После ареста Лейзер отказался давать какие бы то ни было показания только потому, что боялся каким-нибудь неосторожным словом повредить своим товарищам. Между тем обвинения против него были вовсе не так велики, чтобы ему не стоило выяснить свою роль в революционной партии.

Четвертый член нашей компании—Аннушка Барабанова не имела никакой склонности к замкнутой жизни и нисколько не скрывала того, что ей здесь скучно. Несомненно, здесь влияло то, что она поступила в типографию на время и ожидала, что ее скоро сменят. Это ей не мешало, впрочем, исполнять свою роль прекрасно и устраивать такие сцены, что я с трудом удерживалась от смеха, слушая их из другой комнаты. Однажды, например, ей пришлось занимать разговором прачку, принесшую белье господам Лысенко. Получив деньги, прачка присаживается в кухне, выражая желание покалякать. Начинаются расспросы о жалованье, о господах. Аннушка очень охотно отвечает на все вопросы. Из любопытства прачка заглядывает в дверь соседней с кухней, моей комнаты. Аннушка об'ясняет, что это спальня барыни. Заметив, что дверь, ведущая из этой комнаты в другие не только заперта, но даже заставлена столом, прачка изумлена:

— Что это она у вас запирается от своего-то?

— Запирается!—со смехом отвечает Аннушка.— Все вот этак-то. Как поссорятся, так она его не пускает к себе!

— О! Ссорятся?

— Да еще как! Ты бы посмотрела! И то сказать: она-то молоденькая, а он—старик! Ей в театр хочется или потанцевать где, а он, аспид, не пускает: ну, и грызутся, прости господи!

Через два месяца мы провожали Аннушку, которая заявила своим приятелям во дворе, что не поладила с господами и бросает место. После того в квартире водворилась Грязнова, еще молодая девушка, болезненная и нервная.

Так монотонно и однообразно тянулась жизнь в типографии. Казалось, что она может просуществовать таким образом целые годы, и ничего в

ней не изменится. По внешности все было обставлено так хорошо и прочно. Несмотря на это, трудно было уберечься от разных случайностей, к числу которых можно отнести следующее приключение.

Однажды ночью я была разбужена звонком с черного хода. Для людей в нашем положении такой звонок мог означать: «все кончено», тем более, что у нас заранее было решено встретить полицию с оружием в руках. Надо было будить всю публику. Одевшись наскоро, я подошла к двери и спросила: «Кто тут?». Мне ответил незнакомый голос:

— Я водопроводчик. Пустите, пожалуйста, посмотреть у вас трубы; внизу заливает квартиру водой, и мы не знаем, где течь!

Я стояла в недоумении; с одной стороны, это ночное посещение подозрительно, а с другой—может быть, и правда водопроводчик. Не стрелять же в него из револьвера! Не зная, что предпринять, я закричала через дверь:

— Погодите, пойду спрошу у господ,—и решила после этой невольно вырвавшейся фразы, что, стало быть, мне надо разыграть роль прислуги. Грязнова в это время спала в гостиной, потому что в кухне было холодно, и мне не хотелось тревожить ее, пока нет опасности. Мужчины уже поднялись в это время, услыхавши мои разговоры, и мы решили, что я отворю,—будь, что будет!

Оказалось, что это действительно рабочий, приведенный дворником, чтобы осматривать трубы. Тут только я сообразила, что мне нельзя играть роль кухарки, потому что дворник меня знает. К счастью, он только впустил рабочего, а сам отправился вниз, где случилась беда. Осмотревши трубы в ватер-клозете, рабочий заявил: «Ничего не видать здесь, откройте шкаф, там ведь тоже трубы». Новое затруднение! В шкафу у нас были сложены некоторые типографские принадлежности, потому

что это был четверг, день, в который, как я уже говорила, мы все прятали. Я решила поторговаться:

— Вы видите, шкаф заперт на замок, а ключи у барыни; она и то рассердилась, что я ее потревожила из-за вас!

— Надо побудить!

— Не стану я будить барыню. Она у нас сердитая, да еще хворает теперь. Может, и не в этих трубах дело, а внизу.

Рабочий почесал затылок и об'явил:

— Ну, схожу еще там погляжу. Потом зайду опять, и тогда уж, как хочешь, добывай ключ.

Товарищи мои слышали весь этот разговор из соседней комнаты и, как только я заперла дверь за рабочим, принялись вытаскивать из шкафа все, что нужно было спрятать от глаз постороннего человека. От шкафа, проделанного в стене передней, до задней комнаты, куда мы сносили вещи, забегало торопливо целых пять пар ног, которые, конечно, произвели бы шум, если бы мы все не ходили в мягких войлочных туфлях, которые считались у нас необходимою принадлежностью всякого работника. Через несколько минут все было готово, и, когда вернувшийся водопроводчик снова потребовал, чтобы открыли шкаф, я подчинилась, вынесла от «барыни» ключи, и он сделал свое дело.

В эту ночь вся наша компания уже не ложилась спать, настолько сильно взбудоражило ее это происшествие.

Эта случайность не повредила нам, но все же в конце-концов тайная типография погибла из-за случайности, или, вернее, из-за оплошности там, где меньше всего можно было опасаться этого.

При обыске, произведенном у Мартыновского (члена партии «Народной Воли», но не имевшего никакого отношения к типографии), был найден целый склад паспортов и печатей, очевидно, остав-

ленных у него на хранении. Среди этих бумаг была копия, снятая с паспорта Лысенко. Паспорт этот был настоящий, кажется, умершего лица, и вот кто-то, очевидно, устраивая себе паспорт, пожелал списать себе форму, но не догадался, что не нужно проставлять на нем имя и фамилию лиц, живущих уже по этим документам. Этот клочок бумажки, смятый даже (повидимому, его просто забыли уничтожить), и погубил все наше дело... Как мало сама̀ полиция придавала значения этой бумажке, видно из того, что справку в адресном столе об лицах, упомянутых тут, сделали не сейчас же, а спустя некоторое время, а для обыска присланы были даже не жандармы, а простые полицейские чины. Последнее обстоятельство доказывало, что мы удостоились внимания всего лишь градоначальника, а не III отделения. Нам было бы гораздо выгоднее иметь дело с этим грозным учреждением, потому что там у нас был свой человек, Клеточников, который, конечно, успел бы предупредить нас. В последнем случае могла бы погибнуть типография, если бы мы не успели ее перетащить в другое место, но люди были бы целы.

Разгром тайной типографии произошел в январе 1880 года. Снова я была разбужена среди ночи звонком. На этот раз звонили с парадного крыльца. Я вышла в переднюю, заглянула в окно, выходившее на лестницу, и сразу увидела на освещенной лестнице полицейских, которых привел наш старший дворник. Дверь я им, конечно, сразу не отворила, а начала будить публику. Все моментально вскочили, а я в это время вспомнила, что у меня в комоде скопилось много писем и бумаг, которые были принесены сюда только потому, что их надо было тщательно спрятать, а наша квартира считалась местом надежным. Тогда я решила, что моя первая обязанность состоит в том, чтобы уничто-

жить все это. Я заперлась в своей комнате, поставила на пол большой умывальный таз с водою и начала жечь над ним бумаги, вытаскивая их из комода. Боялась очень, чтобы не осталось какого-нибудь адреса или фамилии, но разбирать было некогда; за стеной были слышны выстрелы, беготня, а с лестницы раздавался стук ломаемой двери и неистовые крики.

Надо было спешить туда. Когда я вышла, то с удивлением заметила, что входная дверь еще не сломана, а за нею по-старому стучат и кричат полицейские. Оказалось, что после первых же выстрелов они поспешили погасить огонь и послать за подкреплением в жандармские казармы; оставшиеся же залегли на лестнице, так как выстрелы продолжались и в темноте. Наша компания не рассчитала этого и даром потратила почти все свои заряды. В этой сутолоке заметнее всех была фигура Абрама: он исступленно метался по квартире и почти без перерыва стрелял в окно, несмотря на то, что дверь уже начали ломать. К этому времени в комнатах у нас воцарилась полная темнота по следующей причине: было условлено, что в случае погрома мы разобьем стекла в тех окнах, которые видны с улицы, для того, чтобы наши посетители сразу узнали об этом; каждый из них проходил по противоположной стороне улицы и глядел на наши окна, раньше чем войти в под'езд. Мы исполнили это настолько добросовестно, что разбили все стекла (кто-то даже пытался сломать оконную раму), после того в квартире стал гулять такой ветер, что у нас погасли все лампы и свечи. Разбивали стекла тяжелыми предметами, вроде гранок или связок шрифта. Этим и об'ясняется то, что под окнами полиция нашла все предметы и на суде говорилось о том, что мы «желая спасти типографские принадлежности, выбрасывали их

из окна». Благодаря такому приему, Александр Михайлов, которого мы ждали на следующее утро, прошел с невозмутимым видом мимо разгромленной квартиры в то время, как совершенно непричастные люди были арестованы только по одному подозрению, что они идут в дом № 10.

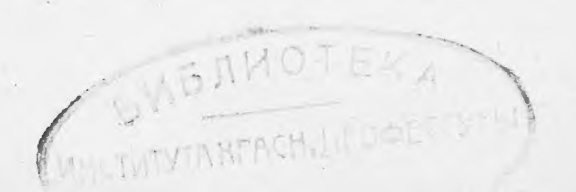
Когда полиция ворвалась, наконец, в квартиру, мы собрались все вместе в третьей комнате, но не стрелял уже никто, и револьверы были без зарядов. Дверь была только притворена, но, несмотря на это, ее колотили топорами вместо того, чтобы открыть. С нашей стороны кто-то крикнул: «Сдаемся!», но за дверью все-таки только ругались площадной бранью и колотили в косяк двери. Наконец, одна половинка двери была открыта, но никто из всей ватаги не хотел заходить первым, ожидая засады с нашей стороны; кроме того, они не верили своим глазам и не хотели допустить, чтобы нас было только четверо. К этому моменту пятый, Абрам, уже удалился из комнаты; под треск ломаемой двери он стал спешно и возбужденно прощаться с нами. Он обнял и поцеловал по очереди всех товарищей, говоря каждому: «прощайте». Никто не знал о его намерении застрелиться, и каждый, вероятно, думал, что он прощается, зная, что всех нас сейчас повезут в тюрьму. Его исчезновение из комнаты за общей сутолокой прошло незаметно, а застрелился он, вероятно, в ту минуту, когда раз'яренная толпа врывалась к нам в комнату. Мы были моментально сбиты с ног и связаны, но наши враги никак не могли успокоиться и все искали «остальных». Решили искать их в последней комнате, направившись туда с гиканьем и ругательствами, но там наткнулись на труп нашей бедной «пташки», плавающей в крови. Очевидно, он умер сразу.

Поднялась сутолока. Послали за доктором, прокурором и за полицеймейстером. Нас тем временем рассадили по стульям со связанными руками и приставили по два стражника к каждому человеку. Победители торжествовали и считали своей обязанностью сквернословить. Их было человек 20, если не больше, а нас четверо, да еще связанных. Старались, конечно, не столько по долгу службы, сколько потому, что в них проснулся дикий зверь. Доктор, призванный для того, чтобы констатировать смерть Абрама, проходя мимо нас заметил, что руки у нас затянуты слишком сильно; веревки впились в тело и руки посинели. Тут же был еще кто-то из высшего начальства, и поэтому, вероятно, веревки или полотенца, которыми были связаны руки, были ослаблены. Но лишь только эти господа удалились, как нас снова скрутили, приговаривая: «Нечего их жалет!» Так мы просидели часа полтора, пока производился осмотр квартиры. Более тщательный обыск произвели уже на другой день, когда мы сидели в Потропавловской крепости. Тут, должно быть, полиция хозяйничала как ей нравилось, результатом чего явилось то обстоятельство, что когда нам, спустя месяца два, позволили получить свои вещи с квартиры (до того времени не давали ничего, так что пришлось сидеть без денег и без белья), то оказалось, что ни платья, ни белья, ни часов не нашли, принесли в тюрьму какой-то ворох старья вперемешку с грязным бельем.

Полиция приняла все меры к тому, чтобы обнаружить фамилию застрелившегося, но безуспешно. Задавали ли об этом вопросы кому-нибудь из арестованных — не знаю. Сама я отказалась давать какие-бы то ни было показания как о себе лично, так и вообще о деле типографии [1].

---

[1] Фамилия застрелившегося „Абрама“—Лубкин.

Цена 15 коп. 29196

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

1) Правление и склад Издательства Политкаторжан Москва, 34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазин Издательства Политкаторжан „МАЯК“ — Москва-Центр, Петровка, 7. тел. 4-18-12 и 3-63-20.